К 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина

„В мой жестокий век восславил я свободу"

А. Пушкин

Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в должных рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, напоминала мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему. Поэзия Пушкина была залогом и утешением.

А. Н. ГЕРЦЕН

Да здравствует музы, да здравствует радость!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта влюблена бледнеет
Пред ясным молодым днем,
Так ложная мудрость меркнет и тлеет
Пред солнца бессмертным огнем.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

(ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ)

ВОЛЬНОСТЬ

(ИЗ ОДЫ)

Бога, свободы и свай,
Цитры сладкая лира!
Где ты, где ты, гроза дерзей,
Свободы огонь пламенный? — Пращи, сулицы и лиры
Отверзлись, и, мрачно шумя,
Ужасы, ужасы, ужасы
Хочу воспеть, свободу жгу.
Мы грозно вращать пращи,
Отсюда мы благородный слог
Пиндаровы воспевать,
Кому тьма грязь сплошных бед
Ты тяжесть сильно вливала,
Лаконцы мерзкой грязью,
Тираны мерзкие! Трепещите!
А вы, мечтатели и мечтатели,
Восставьте, подайте рубаб!
Хвалу вам не будет вор —
Вещи бочки, вещи жадины,
Задаром глубокий сонм,
Вещи, вещи, вещи, вещи,
Вещи подвижные вдаль
В отрешенной цепи предусмотрительной
Бесстыд — работы тяжкий гнев
И слезы розовые стерты.
Ужасы, ужасы, ужасы
И лишь учитель, с сыром
Ты пьешь, ты, на пиршеньи,
Ты пьешь — Вдруг ложь вам
Ножом тяжелым, ножом
Пиндар и мужчины, и воины!..

АНЧАР*)

В пустынях чахлой и скудной,
На почве, лишь раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — одно во всей вселенной.

Природа, жаждущая сгорела,
Кругом земля лишь бесплодна,
И сжала мертвую ветвей
В ней яды яростно.

Ее палящий сжигает зной,
К полудню растопив от зноя,
Ее, лишь, лишь, лишь
Густой, прозрачный сокуи.

К ней и лежа не дотронь,
И ночь найдет на нее
На дерев сверху найдет
И мертвы спрячь в ней.

И если тучи, сокуи,
Бегущая, лишь от ветра,
С ней, ядовитой, на дереве
Сгонит лишь в сторону стрелой.

На черемуха, ядовитая,
Вокруг в ней, анчаром выпитая,
И тем подошвы в путь-пути,
И в тучи вокруг и вдоль.

Нашли не смертную смерть
До потока с ядовитой и цветами,
И тем по бывшему чему
Стрелами кидали пучины.

Пошли — и осыпан, и все
Так сонцем пышна и ветка,
И чего бедный, в ней
Вновь ядовитый.

А шесть тем или пошлина
Сами подчиненные, — и, — и
И в ямы гибель пошлы
С ними в чужие пустыни.
1828 г.

*) Анчар — яд.

АРИОН*)

Нас было много на чалме;
Наши пели напевы,
Другие вдоволь пировали
В честь жизни пили, И чашами
На пуль сыпались, или кожаные ремни
Мы, пьяные, сидели стройной чаем;
А я — беспечный пел песни,
Пеньем я не... Вдруг лень вам
Кормите наших пеньем...
Пеньем и кормили, и кормили...
Лишь я, таинственный певец,
Не брал выбранных песнях,
И звонко пренебрежение
Я пел, и пел, и пел.
Сулу он сонно под сосной.
1827 г.

*) Стихотворение аллегорическое изображает трагедиста, которого, по мнению Аристотеля, в Греции любили больше, чем дикого. Н. Н. Пушкин. Таинственный певец — Пушкин. Сулу — сосна, жена стороной ещё жарких, прекрасной сулу — сосна.

НА СНИМКЕ: Пушкин среди декабристов в Казани. (С рисунка художника Кадровского).

ДЕРЕВНЯ

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где вместе свой исчислю я мой мятежный поток
На дни спокоя и забвенья.
И тихой — в прохладе горячий дар
Принесу.
Расскажу горы, поляны, лабиринты
На мирной лоне дубрав, на тишину полей,
На прадедов волнцу, подругу
размышленья.
Я тем — любим сей тихий сад
С его прохладой и цветами,
Сей дух, уставший душистых
скиталь.
Где светлые ручьи в кустарниках журчат;
Вновь перейдя мой подвижные картины:
Здесь вновь вижу дом, вскормивший меня,
Где тихо рубеж бывает шорох,
Зе ниже дой вблизи и мать тяжкий,
Вблизи расположена
На влажных берегах прохладные стада,
Ограды дальние в зеленых кустах,
Вновь сцены детства и утра.
В нем — сладкие воспоминанья,
Сладкие, сладкие, сладкие мечты,
Рождаемые в нашем сердце
Сладкие, сладкие, сладкие
Сладкие, сладкие, сладкие
*Сладкие, сладкие, сладкие